

Счастливики с улицы Абая

Посвящается памяти Валерия Важенина

Ушёл человек из жизни не дожив до 70-ти лет. После него остались дома, которые он построил себе и другим людям. Людям, не всегда благодарным за этот его неоплачиваемый труд. Человек он был щедрым и не жмотился, как большинство из нас, не щадил своего времени и здоровья и охотно откликался на просьбы. Если просят, то надо помочь, денег за это, как правило, не брал, помощь – она и есть помощь. Многие этим его бескорыстием и пользовались с выгодой для своего кошелька. В лучшем случае вознаграждали сытной едой и обильной выпивкой от души. Он знал об этом, но продолжал помогать другим. По другому он не мог. Когда он остался без сил, то никто к нему не пришёл и не предложил своей помощи. Таков закон Жизни, тобой пользуются когда ты силен и с тебя можно получить выгоду, а когда ты болен, то какая с тебя выгода. Загнанных лошадей пристреливают.

Когда он ушёл из жизни, то провожать его пришло много односельчан, в том числе и одноклассников. Была какая-то женщина-пастерша, постные поминки, так заведено у протестантов. У протестантов согласно их христианской морали заведено смиренно пахать как ишак и благодарить бога за черствый кусок хлеба. Однажды Валерий с гордостью так и сказал мне: «Ты знаешь как я в Ленинском отлично жил! Пахал как ишак и у меня всё было!» Мне и в голову не приходило до этого радоваться ишачьей жизни и я ему об этом сказал. Он опешил и может быть впервые в жизни понял, что «пахать как ишак» – это не повод считать свою жизнь счастливой.

Бренное тело сожгли по его желанию, а может и не по его. Мать его была истинная католичка, отец неизвестно какого рода племени и вероисповедания. Дом, который он с таким усердием и любовью построил, был продан, деньги поделены между наследниками, как всегда не без скандала в таких случаях.

Что осталось ещё о нём? Память потомков? Это ненадежная субстанция, недолговечная. Пройдет десяток лет, уйдет поколение знавшего его живым, в его доме будет жить другой. На пластинку в 400 кв. см. под которой лежит его прах на кладбище, будут приходить первые годы родственники, а потом и они станут забывать это делать или их покинут силы. Всё как заведено в жизни: время жить и время умирать.

Сегодня, когда мы, группа одноклассников, решили написать о прошедших за 55 лет со дня окончания школы прожитых годах, то настало время сказать несколько слов о безвременно ушедших. Были обращения к родственникам умерших с просьбой сделать это. Утвердительного ответа не последовало. На просьбу прислать фотографии о нем поступило согласие, но действий, к сожалению, тоже никаких не произошло. В таких случаях есть только два варианта дальнейших действий и они следующие:

1. Не хотите, как хотите. На этом вопрос закрыт.
2. Кто-то из людей близко знавших его берется написать свои воспоминания о нём. По максимуму объективные и не взирая на личности и желание или нежелание его родственников. После того как воспоминания об ушедшем будут преданы гласности, автор воспоминаний будет предан анафеме, на его голову посыпятся проклятия и гнев родственников, друзей, товарищей и близких, которые будут обвинять автора воспоминаний во всех смертных грехах. Перечень их будет длинным: от недостоверности, до искажения фактов; от сведения счетов до буйного пьянства с ушедшим в мир иной товарищем.

Что сказать в ответ? Ничего. Это всё крики беотийцев, как говорил Великий Математик Карл Гаус в подобных случаях. Я добровольно взялся за эту задачу и излагаю свою точку зрения, кто не согласен, пусть публично и в письменном виде изложит свою. Это будет самой лучшей памятью об ушедшем. Это будет означать, что о нем ещё помнят и по разному оценивают. Итак, читайте.

На встрече одноклассников в 2005 году в Ахерне Валерий рассказал, что он прочитал в 15 или чуть старше старше лет классную книгу, которую потом прочитали все пацаны с улицы Абая. На мой вопрос, как называется эта книга и кто её автор, Валерий ответить не смог. Главное, что книга была классная. Я ему сказал тогда, что эту книгу написал Георгий Холопов и называется она «Счастливики с улицы Мальшанс». Трёх героев этой книги звали Сол, Юл и Род. Один из них стал певцом, другой профессиональным боксером и третий гангстером. Этот писатель написал ещё ряд интересных книжек, в том числе «Докер». Он работал корреспондентом газеты «Правды», был арестован за шпионаж где-то в капиталистической стране, но потом отпущен. Всё это произошло в 1966 году и широко освещалось в советской прессе. Счастливики с улицы Абая газет не читали и радио не слушали. У них были свои дела и заботы. Валерий был одним из активных участников и часто героем этих дел и событий. Назвать по памяти всех героев с улицы Абая сложно, я не был членом их ватаги, но был о них хорошо осведомлен по результатам их действий или прямых наблюдений за ними.

Одним из героев был Хан, горбун и зловредный тип, однажды он распорол сзади пальтецо девчонке надвое в старом клубе. Этот Хан был центровым в команде баскетболистов с улицы Абая. Валерий с восторгом и гордостью рассказывал о том какая у них была замечательная баскетбольная команда, они всех побеждали и ездили на соревнования. Я спросил, будучи у него в гостях, как называлась их команда и какая форма у них была. Валерий ответить не мог. Я ему объяснил, что их команда была заурядной ватагой, они бегали по пыльной школьной площадке и бросали мяч в кольцо без сетки. Добавил, что я был активным создателем, капитаном и менеджером футбольной команды «Мечта». Форма у нас была такая: белые трусы и синие футболки, как у сборной Италии. Трусы мы шили к великому неудовольствию наших матерей из простыней, а футболки покупали в магазине, где торговал одеждой отец Данияра Азимова.

Название команды на груди и номера на спине мы наносили белой краской, которую выпросили у художника, рисовавшего афиши в районном кинотеатре. Данияр Азимов был моим единомышленником и соучредителем команды. Деньги на форму, кеды и мячи мы зарабатывали на производстве саманого кирпича (5 копеек за штуку). Однажды деньги в размере 55 рублей мы отдали двум членам нашей команды Вали Ибраимову и «Коту», нашему второму вратарю после Яшки Купера. Этот Кот жил у парка на углу. Эти «товарищи» поехали в Чимкент за кедами и вернулись без оных и денег. Деньги они присвоили и потратили на свои нужды, а мы, наивные им поверили, что их обокрали. Эта история повторяется тысячекратно в течении столетий во всех точках земного шара и всегда находятся люди, которые приватизируют «общак», будь это Ротшильды, которые облапошили Гессенского короля и увели его казну в Англию, зеки или анархисты, которые собирают ежегодно деньги на памятник Великому анархисту Бакунину и эти деньги регулярно разворовываются. Такова судьба всех «общаков».

Мы добились участия в областных соревнованиях «Кожаный мяч» в 1967 году. С треском проиграли все три матча и уехали ни с чем. Вернее мы уехали с большим опытом, как негативным так и позитивным. Это была единственная попытка в районе самостоятельно создать спортивную команду, одеть её, обусть, натренировать и потом через райком комсомола добиться участия в областных соревнованиях. Мы были первыми, потом дело пошло. Люди из райисполкома и в первую очередь председатель спорткомитета Куандык оседлали это дело, преименовали команду на свой лад и стали иметь дивиденды. Так всегда бывает, кто-то должен быть первым. Яшку Купера я хоронил в Мюнхене в 2015 году, а с Юрой Дукартом встретился в 2018 году на праздновании 50-летия со дня окончания школы в доме у Лиды Важениной. Надеюсь встретиться ещё и с другими игроками команды «Мечта» в бывшем селе Ленинском.

У счастливиц с улицы Абая в команде был нападающий Рауф – детина не отягощенный интеллектом, больше похожий на жеребца из-за привычки трясти своей головой, но он гонял других членов команды бегом по холмам с рюкзаками за плечами. Пользы это не дало, форму они себе так и не добыли и играли безымянными. У них не было многого и самое главное целеустремленного и деловитого лидера, а это самая большая проблема в таких компаниях. Было много таких компаний в нашем селе, многие и не слышали о знаменитой книги про «счастливиц», но не о них речь.

Был в компании «Ученый», так называли одного из сыновей нашего школьного учителя по химии Хат Хамитыча. Этот ученый отличался усердием и дослужился до должности пастуха на реке Или в хозяйстве у Сергея Жуманова за Капчагаем. В один из моих приездов в Алмату мой младший брат стал рассказывать о нем и его трудах в области математики. Этот Ученый исписал целую школьную тетрадку решая Великую Теорему Ферма, которую человечество пытается безуспешно решить последние 500 лет. Потом Ученый позвонил мне в Алма-Ате и попросил опубликовать его труд в европейском научном журнале. Я ему объяснил, что французская Академия наук ещё 200 лет назад запретила принимать труды к публикациям по теме «Вечный двигатель» и «Теорема Ферма». Он мне стал объяснять, что решил эту теорему и в заключении сказал, что связь будем держать через бабу Машу (мою мать). Я очень удивился такому способу научной коммуникации. Моя мать умерла через 20 лет в возрасте 95 лет, но сигналов от Ученого не получала, наверное бараны в хозяйстве Сергея Жуманова сжевали от голода тетрадку о доказательстве Великой Теоремы.

Другим участником этой ватаги с улицы Абая был Досалы – очень талантливый и успешный игрок в асычки. Это был худой, даже аскетичный тип холерического темперамента. Валерий рассказывал, что когда его помял задним мостом самосвал и он лежал без движения в доме матери, то к нему пришёл Досалы и стал говорить, что вот мол недавно умер хороший товарищ с их улицы, а теперь Валерка собирается умирать. Досалы сильно растроился этим обстоятельством и стал плакать. Валерий оклемался к большой радости Досалы у которого вскоре умерла мать и он занял у Валерия деньги на её поминки, своих денег игрой в асычки он не накопил, а занятые не вернул. Какие деньги, наша дружба дороже денег!

Были ещё другие герои с улицы Абая, одним из них был Анвар. Этот был более спокойный, читал книжки. Когда я случайно встретил его в Алма-Ате и он мне рассказал о том, что находится в судебном процессе и жить ему негде, то я его поселил в свою однокомнатную квартиру. Валерий потом рассказывал во время встречи на юбилее нашей одноклассницы Эммы Штабель о своей беседе с Анваром. Тот пригласил его в гости и рассказал свою историю: «Ты знаешь, Валерка, какой у тебя одноклассник Шурик. Поселил меня в свою квартиру, деньги с меня не брал. Я потом перевёз туда жену и детей и мы там жили всё время судебного разбирательства. А все наши Ленинские земляки, которые жили в Алма-Ате шарахались от меня как от чумного». Потом друзья детства выпили, возможно и за здоровье одноклассника Шурика. Валерий спросил тогда, что про него рассказывал мне Анвар. Я ему доложил, что Анвар рассказал, что однажды Валерка напился и стал тарабанить в дверь кинотеатра, требуя, чтобы его впустили. Валерий крикнул от досады и я понял, что это ему неприятно. А что ещё могли рассказать друг о друге счастливицы с улицы Абая?

У Валерия был старший года на 1.5-2 брат Слава. Этот был более спокойный и учился лучше младшего брата, читал книжки из районной библиотеки. После окончания школы они с одноклассником Адамом Ибраимовым поехали на Дальний Восток поступать в мореходку, взяли с собой Валерия. Славка поступил в мореходку, для этого ему пришлось отказаться от матери-немки, иначе его бы не приняли. Адам и Валерий оказались недостойными звания моряка. Они там остались и устроились работать грузчиками. Мужики из бригады собрали деньги и отправили Валерия обратно домой, чтобы он не спился. А Адам остался и научился пить, по словам Валерия. Потом он тоже вернулся, но не один, а с дамой из тех мест. Одноклассники мне рассказывали, что Адам много лет спустя упал пьяный с крыши или с лестницы на чердак, разбился насмерть и пролежал несколько дней мертвым, пока его брэнное тело не обнаружили.

Адам был авторитетным парнем в селе, он побывал за отличную учебу и примерное поведение во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» в Крыму, был успешным туристом и входил в областную команду, выступал в соревнованиях. У него, как всегда случается в таких случаях, появилась в положенное время любимая девушка. Людмила Прокопюк из нашего класса. Роман был известен всему селу и мама Люды бережно стерегла эту любовь. Валерий рассказывал о том как они сидели на крыльце соседнего учительского дома, где жила Люда с мамой и младшей сестрой мамы. Они держались за руки и мило щебетали. А Валерий как Мальчих-плохиш стрелял алюминиевыми пульками-скобами из резинки на пальцах из-за своего дувала в них. Стрелок он

был меткий, в классе на уроках он тоже постреливал в учителей и одноклассниц, иногда жеваной бумагой, иногда пулями. Наверное эти алюминиевые пули убили юную любовь Адама и Людмилы, а может ещё и его любовь к морю. История умалчивает об этом.

Позже Валерий и все его друзья стали стрелять из воздушного ружья в их маленьком дворе. Ставили у соседского дувала широкую доску и стреляли с 10 метров свинцовыми пулями или кисточками. Потом ствол у воздушного ружья погнулся, то ли по нему чем-то ударили, то ли камень уронили. Да и возраст требовал уже более серьёзного оружия, им оказалось ружьё 16-го калибра. Пачки патронов по 20 штук продавались в районной универсаме за два рубля с копейками и продавец не спрашивал документы на оружие или паспорт. Валерий и его друг Ораз Алимбетов, а также другие орлы с улицы Абая бегали по весенней степи и стреляли во всё бегущее и летающее. По самим себе тоже, шутки ради. Обошлось, никого серьёзно не подстрелили.

Учился Валерий плохо, то есть никак, вернее как все его друзья с улицы Абая. Учиться хорошо в их кругу было чем-то позорным. В чем тут причина сказать трудно. С одной стороны многие из них были просто неспособны к учебе, за другими не было никакого надзора или присмотра. Учительницы в начальных классах пытались нас всех научить читать, писать и считать. Но многие закончив школу толком читать так и не научились, а писать и подавно. Этих отстающих учеников ругали в школе регулярно, иногда лупили линейкой по голове, бывали и такие случаи. Родителей тыкали носом в их детей-двоечников, поэтому те и не посещали родительские собрания. Серьёзно и систематически с ними никто не занимался, родителям было не до них, школа была не в состоянии справиться. Их оставляли после уроков, на осень, заставляли лучших учеников заниматься с ними после уроков. Мне приходилось таким образом доучивать своих одноклассников Генку Зубкова (Хибаша), Кольку Кольцова, Валерку Иванова начиная с третьего класса. Я исполнял свой долг добросовестно, приходил после обеда к Генке в его новоотстроенный дом за базаром, садился с ним за кухонный стол и пытался научить его чему-нибудь, мать его была ещё жива. Она была спекулянткой и ездила туда – сюда в Ташкент и обратно. К Колке Кольцову приходил в их избушку на Келесской улице, тот не хотел ничем заниматься и предлагал покататься на велосипеде. Но я верный своему долгу пытался научить его хоть по слогам читать. Колька бросил школу в 5-ом классе и бродяжничал по Келесу с ружьем и рыболовными снастями вместе с младшим братом, это занятие было гораздо интересней для него. На велосипеде мы тоже катались. Однажды прокололась шина, мы вытащили из-под покрышки резиновую камеру, нашли прокол и Колька за неимением клея стал заклеивать прокол козявками, которые наковырял из своего носа. Я разинув рот смотрел на это занятие, а он меня убеждал, что так можно заклеить камеру. Ничего конечно не вышло и мы покатались по берегу Келеса обратно. Генка тоже бросил школу в шестом классе. Сейчас я убежден, что можно было половину учеников не учить дальше 6-го класса, это бессмысленная трата времени и средств. С Валеркой Ивановым я занимался в их нововыстроенном доме на стадионе у спуска по которому гоняли домашнюю скотину в стадо и обратно. Его мать прокуренным голосом и с Беломориной во рту поощряла наши занятия и благодарила меня за помощь Валерке, она и бабка Валерки тоже были спекулянтками. По нынешнему они занимались бизнесом, то есть покупали в Ташкенте продукты и товары и продавали с наценкой в Ленинском тем у кого времени на поездку в Ташкент не было. Но толку от этих занятий с ним тоже было немного. Самым сообразительным среди всех оказался Толик Кухаренко, он просто приезжал ко мне домой к вечеру на велосипеде, зная, что я все уроки уже выполнил. Брал тетрадки и ехал домой списывать, утром он приносил тетрадки в школу и возвращал их мне. Схема работала отлично и без особых затрат для обеих сторон. В итоге один Толик получил аттестат о среднем образовании. Мог бы и в Институт поступить, многие наши одноклассники так и сделали, всё-таки у тебя Аттестат на руках, а в институты поступают не только гении. Уже в Германии мне приходилось встречать в переселенческих лагерях людей закончивших таким образом институты заочно. Некоторые из них занимали даже руководящие посты вплоть до заместителя директора.

Валерию репетиторы были не нужны, у него хватало природных способностей и талантов, но он ими не пользовался ни на йоту. Почему? Об этом уже никто не узнает. Мне приходилось

неоднократно в жизни встречать таких людей, которые зарывали свои способности и талант в землю. Вся их энергия и ум выходили в свисток, им почему-то доставляло удовольствие тискать девчонок на переменах, дергать их за косы, бросать в них заледенелые снежки, стрелять в них их пулек, короче говоря шкодить и пакостить. Может быть таким образом они самоутверждались показывая всем: «Да, вы умники, отличники и ударники! А я могу никого не боясь творить такое, на которое вы не способны!» А зачем? На этот вопрос ответа у них не было. Бросив или закончив кое-как школу они так и остались неучами. Кого-то это особо не волновало, другие сожалели о бесцельно потерянном времени.

В феврале 2001 года мы встретились с Валерием на юбилее Эммы Штабель. Впервые за всю жизнь поговорили с ним как два взрослых человека. К моему великому удивлению он мне рассказал как он мне завидовал в школе, моим успехам в учебе. Задавал себе вопрос, почему я не могу так же учиться как Шурик. Он мог, но перебороть свою философию «Счастливчиков с улицы Абая» он не мог. Его «друзья» его бы отвергли, это было для него недопустимым. Уж лучше быть бестолочем и творить пакости в школе, которые тебе самому противны, но не быть изгнанным из стаи. Пусть шакалей, но стаи. Это философия стаи. Она тысячекратно описана социальными психологами. Часто стая доводит до суицида нечленов их компании, избивает и даже совершает убийства из-за того, что никто не хочет оказаться слабаком по их философии или исповедует другие жизненные ценности. Валерий не был слабаком, он не мог найти в себе что-то свое, что было бы гораздо лучше чем то, чем он занимался. А это у него было, но система его жизненных ценностей была сбита как мушка или погнута как ствол его воздушки.

Он прошёл долгий путь возврата к своим, истинным ценностям, совершив ещё много лишнего. Мы все в детстве и молодости совершаем ошибки, часто они оказываются непоправимыми. Валерий совершил такую главную ошибку, он убил в себе Творца, художника своего дела, своего ремесла. Вернее, он им всё равно стал, но не творцом, а ремесленником, выше он подняться не мог, так как у него не было необходимых знаний. Эти знания приобретаются систематической и упорной учебой. Вот собственно и всё.

Мы с ним всю ночь просидели тогда за столом у Эмминого брата Эриха, к большому неудовольствию его жены. Всю ночь пили и громко спорили. Он мне рассказывал о своей жизни в Ленинском, о своей любовной трагедии, о том как ему выбили все передние зубы в застенке, нет не Гестапо, а советской милиции. Чувствовалось, что он не раз над этим думал, искал ответ на вопрос почему так получилось у него в жизни. Сейчас рядом оказался его одноклассник у которого всё пошло по другому, этот одноклассник ни дня не жил после окончания школы в Ленинском и все трагедии и комедии этого села произошедшие за последние 30 лет, ему были незнакомы. Не знакома та атмосфера и условия жизни и шкала ценностей районного масштаба. Он так думал, ему не было известно, что пережил и испытал я за эти 30 лет, да и хорошо, что так он думал. Многие из наших одноклассников и односельчан в большинстве своем считают, что их жизнь была трудна и полна лишений, а у других, «профессоров», к примеру – сплошной праздник.

После этого я бывал у него несколько раз в доме вместе с Риммой. Однажды после конференции в Майнце собрался ехать к нему, но попал в железнодорожную забастовку, позвонил ему о б этом. Он мне ответил, что я могу и не приезжать совсем, он ждет Римму, которая тоже застряла в пути из Мюнхена. Он нашел в ней родственную душу, вернее человека, который его внимательно слушает и восхищается его строительными и другими произведениями и поделками. До этого ему, наверное такое восхищение и внимание никто не уделял. Моя жена говорила, что его по жизни никто не жалел, все только пахали на нем. Очень возмущалась тем, что он в ущерб своему здоровью горбатился на всяких родственников-хитрованов.

Последний раз мы были у него на Пасху в 2012 году. У меня самого ситуация была аховая. По ложному доносу мною занималась комиссия профкома фирмы и отдел кадров, мне грозил выкидон со всеми вытекающими последствиями. Валерий был уже нездоров, он ходил в валенках до колена, которые мы ему купили в России на валяльной фабрике в городе Ельце. Одевал перчатки, так как руки мерзли даже при +10 градусах. У меня был складной нож хорошей стали, который мне подарил Серик пять лет назад. Но я им злоупотреблял и метал его в деревья в Английском парке в Мюнхене. Это занятие мне очень нравилось в детстве и я регулярно

упражнялся в нем, все двери в сараях и бане были исколоты вследствие этого занятия, я регулярно получал нахлобучку от отца. При очередном броске вылетела медная пластинка с одной стороны ручки, найти её я не смог. Я попросил у Валерия совета как можно отремонтировать ручку. Он повел меня в свою мастерскую забитую инструментом, отыскал медную гайку с какого-то опресованного компрессорного шланга. Мы выпилили из этой гайки медную пластинку, подправили на наждачном круге и напильником, накернили отверстия, замерив предварительно штангенциркулем, и потом просверлили два отверстия, одели пластинку на штифты торчащие из гнезда, запресовали, подправили и нож стал даже лучше чем был. Подточили нож, Валерий дал мне тубик с пастой для шлифовки ножа и на этом работа была закончена. Мы вернулись к столу у камина в зале его дома.

Возвращаясь в конец шестидесятых годов прошлого столетия можно вспомнить следующее

После возвращения с Дальнего Востока Валерий устроился работать строителем. Он был уже опытным человеком, повидал мир. У него появились деньги и он ходил в кино на вечерний сеанс. Другом у него был теперь Вовка Сейдер, Валерий помогал строить ему дом. Бесплатно, конечно. За это позже получил благодарность от друга – тумачи до кровавых соплей во имя спасения чести своей кузины.

Как это всегда бывает, бывшие одноклассники приходили на школьные вечера с танцами, организованные для учащихся 8-10 классов. Валерий был частым гостем там. Он нашёл здесь свою любовь. Его дама сердца была рослая спортивная девушка с хорошими вокальными данными и уверенными манерами, не слишком озабоченная проблемами Тургеневских девушек. Валерий был сражен наповал и любовь восторжествовала. Что и как между влюбленными происходило не является целью нашего повествования, да и автор не охоч до рассуждений на эту тему. Она его не интересовала никогда и не интересуется, от слова совсем. Это дело двоих и только их.

Потом наступила пора выпускных экзаменов и поиски своего пути в жизни. Некоторые наши одноклассники покинули навсегда село Ленинское, некоторые навсегда там остались. Парни отслужили Армию, их девушки добросовестно ждали своих солдат, писали нежные письма и считали дни до дембеля. Которая дождался, та и вышла замуж, у кого некого было ждать вышла замуж за другого, некоторые вышли замуж не за того, кого ждали. Жизнь, на то и жизнь, что в ней действуют законы недоступные для нашего понимания.

Валерия недождались. Это для него было шоком, его оскорбленная любовь требовала отомщение, а горячее сердце справедливости. Вместо этого он получил тумачов от родственников своей девушки. Парни те были крепкие и Валерию досталось по полной, его умыли кровью на танцплощадке, как он мне потом поведал за чаркой водки в его доме. Его будущая жена обняла его после мордобоя, обмыла от крови и слез горечи по утраченной любви. Жизнь вернула ему шанс и новую Любовь. Может быть даже лучшую чем прежняя, не нам судить.

Валерий жил первое время после свадьбы у матери в доме. Его друзья с улицы Абая никак не могли дальше существовать без своего проверенного бойца и регулярно наведывались к нему во двор. Молодая жена была девушкой не робкой и не хилой, она мне потом рассказывала как отбивала этих друзей от своего семейного гнезда. Семейное гнездо она сохранила и друзей отвадила. Валерий остепенился и стал строить свой первый собственный дом. Построил с любовью и комфортом.

Старший брат Валерия попал в 90-ые годы будучи уже капитаном судна в капкан мафии и погорел. Он застрелился из мелкашки, которую Валерий переделал в боевую винтовку. Валерий с женой и сыном летал на Камчатку хоронить брата. Женат брат был на своей однокласснице по фамилии Валькер до 10-го класса, а потом она сменила фамилию на материну и стала русской. Так часто бывает, кто от матери отказывается, кто от отца, то есть его национальности. Наверное в этом есть какая-то выгода, но бывало интересно наблюдать как потом некоторые люди бывшие русскими, украинцами и прочими становились в 90-е годы уже в зрелом возрасте немцами. Наверное выгода поменяла знак.

Прежде чем переселяться в Германию, я написал письма Эмме и Валерию. Валерий ответил обстоятельно и честно (письмо в приложении). Он рассказал о своих мытарствах на

исторической/новой Родине и в конце написал, что таких как он едет в Германию много, а таких как я единицы и что я здесь не пропаду. Это придало мне уверенности в своем выборе.

Дом Валерия был всегда открыт для друзей, мы одноклассники часто собирались у него по поводу юбилеев как в Ленинском, так и в Германии. И уже после его смерти мы вновь собрались в его доме на 50-ти летие со дня окончания школы. Большое спасибо Лиде и её дочери!

Валерий работал в Германии, как и должно было быть, на стройке. Работал хорошо и пользовался уважением товарищей. Строил свой второй по счету собственный дом, как это заведено у наших Аусзидлеров. Попал в неприятную историю. Кто-то из местных работяг в Германии обозвал его русской свиньёй, Валерий въехал ему в рыло. Его уволили. На этом его трудовая жизнь закончилась. Он пытался найти работу, но безуспешно. Решил попытать счастья и как Лев Толстой ушёл из дома на поиски счастья. Переполошил всю семью, но счастья не нашёл.

Так закончилась его карьера, через 40 лет после начала. Могло ли быть по другому? Могло, но трудно сказать, было бы ему от этого лучше и легче. Он жил своими часто необузданными эмоциями и полной жизнью. Работать – так работать, гулять – так гулять. Середины у него не было, он недолго раздумывал прежде чем принять решение.

Мы с ним часто спорили во время наших посиделок у него дома. Когда он проигрывал в споре, то говорил: «Такой умный, что хочется в рожу дать!» Это я слышал не первый раз в жизни. Давали, я отвечал. Проигравшие в споре умнее от этого не становились, а мне это не вредило.

Валерий часто вперед мысли пускал кулаки. Это тоже черта его характера. Он не мог обуздать себя и свои силы и пустить их в нужное русло. Если бы это произошло, то был бы совсем другой результат. Возникает закономерный вопрос: А нужен ли был ему другой результат? Скорее нет, он довольствовался тем, что у него было, не догадываясь о том, что в нем заложено больше, гораздо больше, но это надо использовать, трудиться на собой и своим талантом не покладая рук. Догадывался ли он об этом? Конечно! Но рядом с ним не было никого из друзей или старших товарищей кто бы ему подсказал и направил его в нужном направлении, обратил внимание на его потенциал. Часто люди выдавливают из себя всё без остатка, зачастую это всё очень ничтожного количества и скудного качества.

Мне самому долгие десятилетия приходилось и приходится выжимать из себя результат, показывать и доказывать чуть ли не ежедневно кто я и на что я способен как специалист. Не потому что мне очень хочется продемонстрировать себя с лучшей стороны, а потому, что это требования современной жизни. Умей себя продать подороже, гласит сегодня правило деловой жизни. Мне не раз говорили: «Ты отличный специалист, и результаты у тебя отличные, но ты не можешь себя хорошо продать!» Но однажды мне сказали: «Саша, ты и так хороший, тебе ничего не надо никому доказывать!» Я опешил, мне впервые в 45 лет такое сказали, то есть сказали, что не надо открыто торговать собой, своим умом и опытом, а быть самим собой. Причем сказала женщина на 15 лет меня моложе, а не прожженный советник по бизнесу и рекламе. Теперь я прихожу к выводу, что Валерий тоже всю жизнь всему миру что-то доказывал. А моя жена может быть первая поняла, что ему ничего не надо доказывать, у него и так всё есть, он и так хороший.

В жизни иногда надо останавливаться и на минутку задумываться о себе, о своей жизни и обо всем происходящем вокруг тебя. Иногда приходится принимать очень непростые решения, рисковать. Плыть успешно и безопасно по течению жизни удастся не всем и не всегда, практически никому и никогда. Самое трудное – это выскочит из круга обыденности и кем-то установленных правил. Это доступно только немногим, очень часто другим это и не нужно.

«Идет охота на волков, идет охота!», пел Высоцкий.

Я из повиновения вышел
За флажки: жажда жизни сильней
Только сзади я радостно слышал
Удивлённые крики людей
Рвусь из сил, из всех сухожилий
Но сегодня не так, как вчера

Обложили меня, обложили
Но остались ни с чем егеря!

Валерий не смог выпрыгнуть из круга обыденности и закостенелых правил консервативной среды. Он пытался приспособиться, не уверен, что это доставляло ему радость, приспособливаться под чужие правила. В этом заключалась его трагедия. Он не смог или не захотел выпрыгнуть из круга Счастливиц с улицы Абая. Он не нашёл в себе сил выпрыгнуть из круга шалапаев-двоечников в школе, хотя страстно хотел быть похожим на других, в том числе и на таких как я. Он не смог выпрыгнуть из плена своей любви, хотя может быть роль отвергнутого любимого ласкала его душу, как бы кощунственно это не звучит. Не знаю, судить не могу. Его жена рассказывала, что после любой вечеринки, где он встречался со своей первой любовью, он всегда провожал Даму своего сердца до дома. На встрече одноклассников в Ахерне он громко и открыто сказал: «О., как я тебя любил!» Она ответила: «Я знаю, Валера!» Это и был, кажется, финал самой большой любовной трагедии села Ленинского за последние полвека. Шекспир отдыхает, как говорят в таких случаях циники. Перед смертью Валерий писал своей жене стихи и просил у неё прощения. Он, наверное, многое преосмыслил в своей жизни, может быть и свою любовь тоже. Он не был злым и жестоким человеком, он был честным бойцом и прощал врагам и обидчикам. Как-то после очередных посиделок на двоих он сказал мне: «Я думал, что жестче чем я к врагам своим отношусь нет никого, но ты оказывается ещё жестче!» Не знаю, прав ли он, но в этом смысле у нас была, наверное, единственная общая точка мировоззрения. Мы не прощали подлости и предательства. Сегодня это не актуально для мужчин.

Самое важное он сохранил в себе. Это открытость, честность и добросовестность, верность своей чести и себе как личности, ответственность, готовность прийти на помощь. Это и останется в памяти тех, кто его знал.

Александр Вагнер
Берлин, ноябрь 2022

Приложение

1. Фотографии

5В класс, 1963 год

Валерий

Его Дама сердца

6В класс, 1964 год

Валерий

Его Дама сердца

Фотография сделанная в мае 1988 года в доме у Валерия. На фото он первый справа, Лида с младшей дочерью на руках

1. Письмо Валерия

Здравейте Саша.

15. 05 92

Получил твое письмо 15 мая пришел с
работы а был сюрприз. Саша не знаю этого
наговар. Катю и Катюша приехали мы
в Гамбург встретили нас моей жене
родившейся. первое впечатление не буду описы-
вать. Ну а потом 1. Лагерь затем второй
затем третий. Это для тех у кого
родившихся не нашли жилье ну а у меня
их здесь нету сам знаю. Жени дядя
забрал тещу и одну из ее дочерей с детьми
они много платили только одну квартиру-
ты понял это с 1го Лагерь. Ну а меня
о семье Катюша куда-то сначала в
одну потом в другой город я оказался
в 2ге ГДР. Катюша держалась ездила ну.
и вот теперь здесь тоже. в. ~~Бад Кройцнах~~
Бад Кройцнах это земля Rheinland - Pfalz
но не жалко это пришлось в ГДР
делать не чего там каждый второй безработ-
ный. А здесь я с 15 апреля и уже работаю
с 24 апреля но мне надо пройти
справа-куре но это очень много времени
отнимает а я сам знаю как к себе
стремлюсь. Мне уже нравится. Ну вот
и все. вроде бы о том как это все
было. Теперь на твои вопросы отвечаю.
Саша здесь нас не кто не ждет
но и не против того что мы едем

сюда. ты спрашиваешь как себя чувствую
здесь в новой обстановке. ты знаешь это зависи-
сит от характера от местности где броди-
шь и от многого другого вообще везде
по разному. в ГДР где мы были в Зигаре
там были патанутые отношения даже нас
охраняла полиция но это было не в
тему так-как когда узнали что мы
не азиаты то есть что мы немцы из
СССР всё сразу стало на свои места
Ну а здесь люди очень доброжелатель-
ные так что все окей. Сама если ты
хотела ехать то я одобряю. Ты меня
знаешь я говорю что есть легко не
будет но зато шансы увидеть и будут
жить как белые люди Это я тебе
точно могу сказать. Ну а теперь о тебе
Самая здесь я познакомился с одним
мужиком из Швейцарии он тоже работал
здесь в Институте зав. офицером или как
там у нас это называется. Так вот его
послали во Франкфурт на обучение немецкому
и переподготовку. Так что не расстраивайся
таких как ты на конвое не поставят
они знают что такие как я едем
большинство которых можно на конвое и
маленько. Сама если что ништяк я там
могу помочь. И не бойся хуже не будет.
Сама приведи всем. Маме Вовке с женой если он уже
негде-то. Мамке я не знаю женой он или нет.

Саша
мне очень понравился твой плохой почерк
не осветил вопрос о диктовке ну я надеюсь что
ты все понял в общем школы есть разные
до четвертого класса все в одной школе как
классы Ну а потом в зависимости от знаний
каждый решает для себя сам Гимназия
есть лучше всего на какую-то профессию
а после гимназии еще учеба и тому
подобное Саша если ты сможешь прочесть
моя писанину это хорошо

Ну всего доброго.

Валера если решишь ехать
дай знать.